

П. П. Инфантьев

**Путешествие к лесным
людям**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. П. Инфантьев**
Путешествие к лесным людям / П. П. Инфантьев – М.: Книга по Требованию,
2019. – 64 с.

ISBN 978-5-458-15638-7

П. П. Инфантьев. Путешествие к лесным людям № 304

ISBN 978-5-458-15638-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

тельно руки некуда было просунуть, и въ глубинѣ ея то тамъ, то тутъ видѣлись громадныя стволы упавшихъ деревьевъ, гнившихъ тамъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Кругомъ царилъ мертвая тишина. Ни звѣря ни птицы. Развѣ только иногда гдѣ нибудь, въ глубинѣ лѣса, глухо прозвучитъ посомъ дятель, нарушая гробовое молчаніе, да скрипъ подгниваемаго дѣрева возмутитъ эту торжественную тишину, нагоняя тяжелое уныніе на душу. Снѣгъ по обѣимъ сторонамъ былъ чрезвычайно глубокъ, а дорога такъ узка, что ѣхать было возможно только гусемъ *) и то съ большимъ трудомъ, такъ какъ нашъ экипажъ оказался черезчуръ широкъ для здѣшнихъ дорогъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога шла глубоко въ снѣгу, какъ бы въ руслѣ ручья съ узкими крутыми берегами, и отводы нашего экипажа тормозили по снѣгу, препятствуя итти лошадямъ. Зато тамъ, гдѣ дорога была высокая, широкая, полозья нашихъ розвальней соскальзывали съ узкой дорожной ленты, и мы вылетали не разъ вмѣстѣ со своимъ багажомъ въ рыхлый снѣгъ.

Лѣтъ десять тому назадъ не было и этого пути, а была только одна лѣсная тропинка, по которой лѣтомъ ходили пѣшкомъ или ѣздили верхомъ на лошадахъ, а зимой же только на лыжахъ. Но съ устройствомъ на рѣкѣ Сосьвѣ чугуноплавильныхъ заводовъ черезъ эти непроходимыя дебри была сдѣлана просѣлка и проложена дорога, впрочемъ, въ лѣтнее время и теперь находящаяся въ самомъ жалкомъ состояніи. По этой-то дорогѣ съ рѣкѣ—Сосьвы, Тавды и Конды везутъ въ Верхотурье и на Уралъ рыбу, пушнину и орѣхи.

На серединѣ перевала, въ дремучемъ лѣсу, находится земская станція Половинка, въ которую мы пріѣхали уже глубокою ночью и, смѣнивъ лошадей, направились далѣе, въ деревню Денисовку. Эта деревня находится уже не очень далеко отъ рѣки Тавды и расположена на красивомъ крутомъ берегу рѣки Ляли, притока рѣки Сосьвы **). Деревня эта состоитъ всего изъ 5—6 дворовъ. Жители ея занимаются болѣе охотой и рыбной ловлей, впрочемъ, и земледѣліе здѣсь не въ загонѣ, и хотя, по причинѣ окружающихъ дремучихъ лѣсовъ, земли, годной для хлѣбопашества, не особенно много, но трудолюбивые крестьяне съ каждымъ годомъ расчищаютъ все большую и большую площадь подъ посѣвы, отвоевывая землю шагъ за шагомъ у дремучаго лѣса.

Въ 15 верстахъ отъ Денисовки, на рѣкѣ Сосьвѣ, при устьѣ рѣки Ляли, находится большое богатое село Романовка. Отъ близости Сосьвенскихъ заводовъ, стоящихъ въ 27 верстахъ ниже,

*) То-есть лошади, запряженныя другъ за другомъ, а не рядомъ.

***) Въ Сибири двѣ рѣки Сосьвы: одна, упомянутая здѣсь,—притокъ рѣки Тавды; другая—Сѣверная Сосьва—притокъ Оби.

это село быстро разрослось и разбогатѣло. Всѣ его постройки совсѣмъ сибирскія: избы большею частью пятистѣнные, просторныя, свѣтлыя, чистыя; многія — палубенныя, съ желѣзными крышами; нѣкоторыя выкрашены снаружи краской, съ различными рѣзными узорчатыми украшениями. Здѣсь, въ Романовкѣ, конецъ лѣтняго сухопутнаго тракта и пристань, отъ которой лѣтомъ ходятъ пароходы вверхъ по Сосьвѣ къ Богословскимъ заводамъ, а внизъ — по Сосьвѣ, Тавдѣ и Иртышу въ Тобольскъ. Село Романовка какъ бы открываетъ собой двери въ Сибирь. Въ 6 верстахъ отъ Сосьвенскихъ заводовъ проходитъ граница Тобольской губерніи.

Отъ села Романовки дорога пошла вдоль рѣки Сосьвы, то прямо рѣкой, то по льду, то по берегу. Первое село, встрѣтившееся намъ на этомъ пути, было Кошай, въ 25 верстахъ отъ Романовки; жители его наполовину русскіе, наполовину уже обрусѣвшіе вогулы-ясачники, то-есть платящіе вмѣсто податей ясакъ *). Здѣшніе сосѣвскіе вогулы, а также и вогулы, живущіе по рѣкѣ Ляль, выше Денисовки, и по Тавдѣ, давно позабыли и свой родной языкъ и свои прежніе обычаи и вѣрованія, и смѣшались совсѣмъ съ русскими поселенцами. Полному обрусѣнію ихнему много помогало то, что вогулы всегда, гдѣ можно, предпочитаютъ жениться на русскихъ женщинахъ. Хотя они и крещеные, но у нихъ до сихъ поръ остался прежній обычай платить за свою невѣсту калымъ — выкупъ за невѣсту, а за русскую платить калыма не нужно, поэтому вогуль охотнѣе женится на русской; но кромѣ этого русская женщина болѣе привлекательна для вогула и по другимъ причинамъ: она и лучшая хозяйка въ дому и болѣе чистоплотная и болѣе выносливая и трудолюбивая, чѣмъ вогулка.

Слѣдующая станція, въ 35 верстахъ отъ Кошай, была деревня Махтели, населенная больше обрусѣвшими уже вогулами. Мы пріѣхали въ Махтели ночью и въ ожиданіи, пока намъ запрягутъ лошадей, зашли въ избу напиться чаю. Изба ничѣмъ не отличалась отъ обыкновенной русской. Большая русская печь, полати, по стѣнамъ лавки — все это было самое обыкновенное. Когда мы пили чай, мой товарищъ подтолкнулъ меня локтемъ, указавъ глазами на печь. Взглянувъ туда, я увидалъ въ углу на печи старуху, державшую во рту трубку съ длиннымъ чубукомъ и пускавшую клубы дыма. Начиная отсюда и далѣе, всѣ женщины у вогуловъ курятъ трубки.

Чѣмъ ниже спускались мы по рѣкѣ Сосьвѣ, тѣмъ шире раздвигался кругозоръ передъ нашими глазами: лѣса отходили далеко въ сторону отъ низменныхъ береговъ рѣки, и на прибрежныхъ

*) Ясакъ — подать, собираемая натурой, въ видѣ пушнины, нмѣ, впрочемъ, переведенная уже на деньги. Но названіе *ясачный* сохранилось за вогулами и донья въ отличіе отъ чисто русскаго.

лугахъ, то тамъ, то тутъ, видѣлись стога сѣна. У махтелинскихъ вогуловъ уже достаточно домашняго скота, и кормятся они больше не охотой, а земледѣлемъ.

Въ 30 верстахъ отъ Махтелей, начиная отъ большого торговаго села Гари, идетъ земскій трактъ на Пелымы,—трактъ этотъ гораздо лучше, чѣмъ кушвинско-верхотурскій, а на станціяхъ мы видѣли зимніе возки и лѣтнія повозки для проѣзжающихъ, чего на верхотурской дорогѣ совсѣмъ не встрѣчали.

Отъ Гари до Пелымы около 80 верстъ; на серединѣ этого пути, подлѣ села Зыкова, рѣка Сосьва сливается съ рѣкою Лозьвой и образуютъ рѣку Тавду.

Село Пелымы—кучка домиковъ, разбросанныхъ на ровной мѣстности по лѣвому берегу рѣки Тавды, недалеко отъ впаденія въ нее рѣчки Пелымки. Заброшенное въ тайгу, село это, въ особенности зимой, очень уныло на видъ. Населеніе его русское, при чемъ добрую часть составляютъ ссыльные.

Въ Пелымы инородческое управленіе верхней Конды и находятся казенные хлѣбные магазины для инородцевъ. Пелымы—оттого, что въ ней живетъ засѣдатель третьяго туринскаго округа—является въ нѣкоторомъ родѣ столицей для верхне-кондинскихъ вогуловъ. Отсюда идутъ всѣ начальственныя распоряженія, а также всѣ товары и хлѣба для Конды; сюда же инородцы ѣздить по своимъ судебнымъ дѣламъ. Вся торговля почти всей Конды собралась въ рукахъ пелымскаго купца—Бакулева, и нужно отдать ему справедливость, мы ни разу нигдѣ не слышали жалобъ на него со стороны инородцевъ; Бакулевъ ведетъ свои торговля дѣла съ ними довольно добросовѣстно, между тѣмъ какъ мелкіе торгаши, кулаки, наѣзжающіе на Конду, являются настоящими кровопійцами среди вогуловъ со своими мошенническими продѣлками и спаиваньемъ инородцевъ водкой.

Въ Пелымы, между прочимъ, послѣднее мѣсто, гдѣ водку продаютъ открыто. По всей Кондѣ торговля водкой запрещена закономъ, и ее привозятъ туда только тайно.

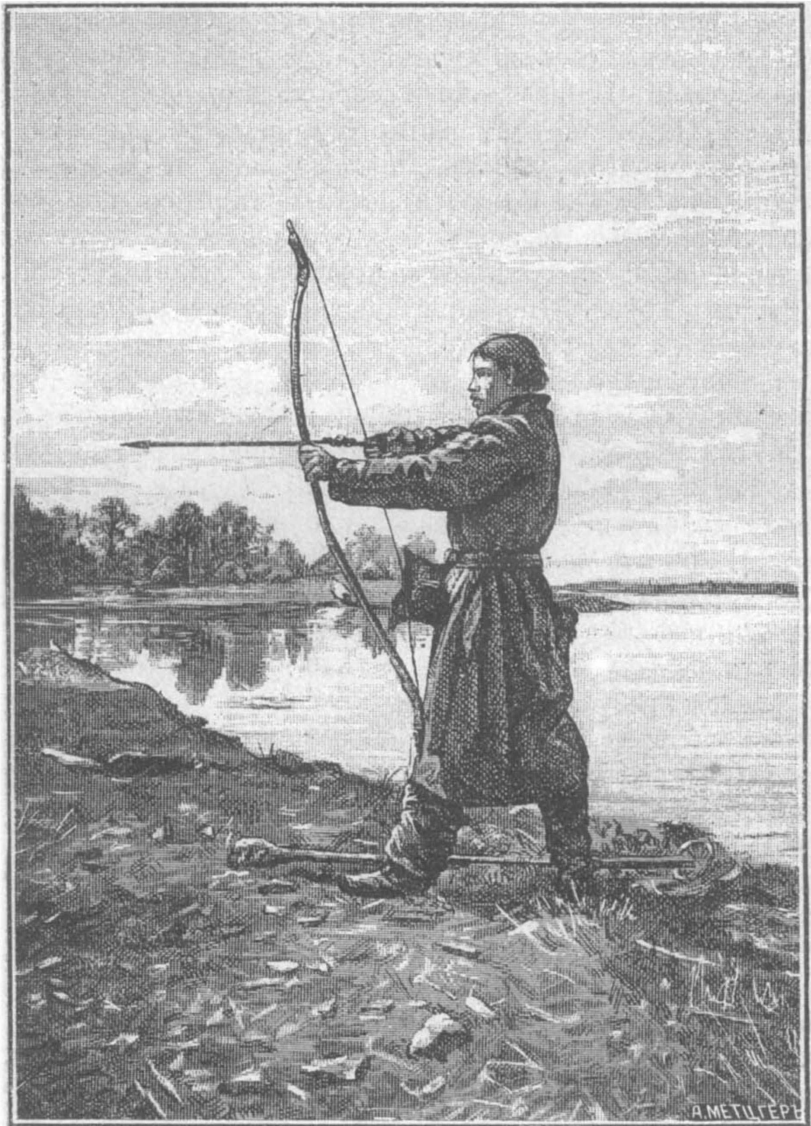
Мы отправились къ засѣдателю, чтобы добыть отъ него бланку на свободный проѣздъ по Кондѣ. Такая бланка почти необходима для путешественника въ этихъ мѣстахъ. Уже по дорогѣ до Пелымы у насъ часто бывали непріятности съ ямщиками изъ-за подвозъ; далѣе же, безъ свободнаго пропуска отъ засѣдателя, мы могли быть или совсѣмъ остановленными или терпѣть задержку въ лошадахъ, что вовсе не было бы пріятно. Засѣдатель оказался очень любезнымъ и съ готовностью далъ намъ пропускъ по своему округу.

Изъ Пелымы на протяженіи 25 верстъ до небольшого русскаго поселка Еремино дорога все время шла по рѣчкѣ Пелымкѣ. Эта

рѣчка, шириною не болѣе 20 сажень, должно быть очень рыбная: намъ часто попадались рыболовные запоры, перегораживавшіе всю рѣку. Луговъ здѣсь уже нѣтъ, берега круты и лѣсисты. Поселокъ Еремина расположенъ среди дремучаго лѣса. Домовъ въ немъ болѣе десятка. Здѣсь мы остановились у одного торговца пушниной, рыбой и кедровой шишкой. Съ этимъ торговцемъ мой товарищъ познакомился еще ранѣе, на ирбитской ярмаркѣ. Онъ далъ намъ вѣскольکو очень важныхъ для насъ свѣдѣній о Кондѣ, сообщилъ, какой самый послѣдній въ ея вершинахъ поселокъ и какъ къ нему пробраться.

Изъ Еремина намъ привелось ѣхать уже не дорогой, а чуть замѣтной тропкой, проложенной въ снѣгу, для которой нашъ экипажъ оказался совсѣмъ не подходящимъ, такъ что, протянувшись кое-какъ 25 верстъ до вогульскаго поселка Омелино, мы принуждены были бросить розвальни и поставить коробокъ на хрясло (въ родѣ тѣхъ же розвальней, только полозья и отводы у нихъ уже. Но такъ какъ дальнѣйшая дорога была уже изъ рукъ-вогъ плоха, то мы принуждены были вмѣсто одного экипажа и пары лошадей, какъ до сихъ поръ ѣхали, разложить свою поклажу на салазки или хрясла, запряженные каждая въ одну лошадь.

Въ Омелинѣ кончается мѣстность рѣки Тавды, и дальше слѣдуетъ переваль на рѣку Конду. Здѣсь послѣднее мѣсто, до котораго лѣтомъ еще возможно кое-какъ добираться отъ Пельми на лодкахъ. Далѣе же въ лѣтнюю пору нѣтъ совсѣмъ никакихъ дорогъ, и пробираться по тайгѣ возможно лишь пѣшкомъ; только одни инородцы, которые хорошо знаютъ мѣстность, отваживаются иногда верхомъ на своихъ, привычныхъ къ лѣснымъ топямъ, лошадахъ ѣздить черезъ эти непроходимыя дебри, при чемъ умныя лошади карабкаются по упавшимъ стволамъ деревьевъ точно дикія козы, отыскивая дорогу. Впрочемъ, тамъ, гдѣ позволяетъ мѣстность, между *паулями* (такъ здѣсь называются вогульскіе поселки) и лѣтомъ устраивается что-то въ родѣ экипажнаго сообщенія для перевозки разныхъ грузовъ. Иногда къ сѣдламъ двухъ лошадей, идущихъ гусемъ, привязываютъ съ обѣихъ сторонъ по длинному шесту, поперекъ которыхъ прикрѣпляются доски, и на подобныхъ носилкахъ переносятся нужная кладь. Иногда носилки приспособляются для одной лошади и вмѣстѣ съ грузомъ, лежащимъ на нихъ, тащатся по тайгѣ волокомъ. Иногда только подъ другой конецъ носилокъ подставляется пара колесъ, которыя вертятся не на осяхъ, а вмѣстѣ съ осями. Но такъ ѣздить возможно только тамъ, гдѣ есть черезъ тайгу хотя какое-либо подобіе дороги: такъ ѣздить чаще всего по просѣкамъ, сдѣланнымъ для зимняго пути, и то, понятно, только тамъ, гдѣ этому не препятствуютъ болота и озера.

В о г у л ь н а о х о т ь .

2. Въ лѣсахъ Конды среди вогуловъ.

Изъ Омелина мы должны были сдѣлать волокъ въ 65 верстѣ, чтобы попасть въ пауль (селеніе) Полушаймъ, находящійся уже въ мѣстности рѣки Конды. На протяженіи всего этого волока идутъ сплошные дремучіе лѣса и нѣтъ ни одного поселка, только посрединѣ построена лѣсная избушка, гдѣ ямщики останавливаются кормить лошадей. Наши ямщики упрашивали насъ остаться переночевать въ Омелинѣ, такъ какъ становилось уже темно, а на этомъ волоку бродилъ медвѣдь, не заснувшій на зиму. Такіе медвѣди очень опасны и бросаются почти безъ разбора на все живое, встрѣчающееся имъ. Не спятъ они и озлоблены, — какъ говорятъ нѣкоторые, — отъ глистовъ, беспокоящихъ медвѣдей. Вогулы же толкуютъ, что Тормъ (высшее существо, Творецъ міра), насылаетъ такихъ медвѣдей на людей въ наказаніе за какіе-либо особенные грѣхи. Однако мы доѣхали до избушки безо всякой непріятной встрѣчи. Избушка стоитъ въ дикой мѣстности, среди дремучаго бора. Внутри ея всего занимала одна обширная комната; вдоль стѣнъ комнаты тянулись двойныя нары *), гдѣ спали въ повалку нѣсколько человѣкъ — промышленники за кедровою шишкой. Въ чуваль **) ярко пылалъ огонь. На столѣ кипѣлъ огромный самоваръ, до того засаленный, что трудно было разглядѣть, изъ какого металла онъ сдѣланъ. Дюжій, закоптѣвшій отъ чувала хозяинъ разливалъ чай. Кругомъ стола сидѣло нѣсколько человѣкъ; изъ ихъ разговора мы узнали, что все это былъ ссыльный народъ, занимавшійся сборомъ шишки, за неимѣніемъ другого заработка. Зимой шишку собираютъ, разгребая снѣгъ подъ кедрами. Разумѣется, такой сборъ ничтоженъ и мало доходенъ.

Духота въ избушкѣ была страшная; но такъ какъ я былъ сильно утомленъ, то, не дожидаясь, пока очередь единственнаго самовара дойдетъ до насъ, забрался на верхнія нары и тотчасъ же заснулъ. Однако сонъ мой не былъ продолжителенъ. Проснувшись, я почувствовалъ, что тѣло мое горѣло точно въ огнѣ: нары были переполнены блохами и клопами. Промучившись всю ночь въ духотѣ и изъѣденный докучливыми насѣкомыми, я вышелъ поутру на свѣжій воздухъ. Утро было ясное, безоблачное, хотя и довольно морозное. Солнце только-что начинало подниматься и косыми лучами золотило верхушки громадныхъ кедровъ, среди которыхъ стояла избушка. Я былъ пораженъ необычнымъ въ этихъ мѣстахъ оживленіемъ лѣса. Повсюду раздавалось пѣніе и чириканье малень-

*) Широкія лавки, служація и для сидѣнья и для спанья.

**) Чуваль — камелекъ, сдѣланный изъ тонкихъ жердей, обмазанныхъ толстымъ слоемъ глины.

кихъ хорошенькихъ птичекъ, величиною съ воробья, съ красными и желтоватыми спинками, черными крылышками и клювомъ, расходившимся крестикомъ. Это были клесты. Птицы живутъ въ этихъ мѣстахъ зимою только въ кедровникахъ.

Потомъ мы поѣхали далѣе. На второй половинѣ волока дорога часто шла пошворами. Пошворами вогулы называютъ болота, поросшія мелкимъ соснякомъ. Здѣсь мы въ первый разъ увидели слѣды соболей.

Полушаймъ—первый пауль, встрѣтившійся намъ въ мѣстности рѣки Конды и притомъ это первый поселокъ, населенный коренными вогулами, еще не успѣвшими окончательно слиться съ русскими и обрусѣть. Все населеніе Полушайма состояло всего изъ двухъ-трехъ семействъ. Намъ отвели квартиру у одного самага зажиточнаго домохозяина. Это былъ живой, крѣпкій и высокій старикъ. По его узкимъ маленькимъ глазкамъ, широкому рту и бронзовому цвѣту лица его можно было принять скорѣе за балкира. Этотъ вогуль принялъ насъ очень радушно, провелъ въ свѣтелку и сталъ суетиться около самовара. Насъ удивили порядокъ и опрятность въ домѣ Степана (такъ звали нашего хозяина), несмотря на то, что онъ, какъ оказалось, жилъ совершенно одинокимъ. Самый домъ его былъ очень помѣстителенъ и состоялъ изъ трехъ комнатъ, не считая прихожей, выходившей на парадное крыльцо. Сундуки, стоявшіе вдоль стѣнъ, были покрыты ковриками, на столахъ были разостланы скатерти. Все это показывало нѣкоторую зажиточность хозяина. Въ переднемъ углу виднѣлись даже иконы въ серебряной оправѣ. Словомъ, жилище Степана походило скорѣе на домъ русскаго зажиточнаго торговца, чѣмъ на юрту дикаря вогула. Но вся эта русская обстановка намъ сдѣлалась понятной, когда изъ разговора со Степаномъ мы узнали, что онъ былъ когда-то женатъ на русской и имѣлъ очень частыя сношенія съ русскими, ведя съ ними торговлю пушшиной и рыбой. Теперь же, послѣ смерти жены, торговлю свою онъ забросилъ и жилъ одинокимъ бобылемъ. Правда, у него была взрослая дочь, заправлявшая всѣмъ его хозяйствомъ, но недавно онъ выдалъ ее замужъ за вогульскаго старшину, въ Турсуутскій пауль. Кромѣ дочери, у него есть еще небольшой сыншиска, но онъ гоститъ у сестры, и Степанъ теперь совершенно одинъ справляется со своимъ хозяйствомъ и самъ стряпааетъ себѣ пищу.

На нашу просьбу достать намъ мяса, Степанъ сначала объявилъ, что это невозможно; но когда мы дали ему рубль, чтобы онъ попробовалъ поискать, онъ живо притащилъ намъ около полпуда свѣжаго коровьяго мяса; кромѣ того онъ досталъ у себя изъ подвала нѣсколько фунтовъ кренделей, которыхъ мы не могли достать даже въ Пелыми, и въ довершеніе нашего удивленія при-

тащилъ курицу и пѣтуха, повидимому, заколотыхъ еще очень недавно. Насъ очень удивила такая щедрость, такъ какъ куры здѣсь рѣдкость и должны цѣниться очень дорого.

— Я усъ тавно на нихъ сердился, -- шутилъ Степанъ.

— Какъ, за что сердился?

— Та отинь -- отъ не поеть, а тругой не несется.

— Однако, сколько же ты за нихъ возьмешь?

— Ничего не нузно, возьмите на торогу, отнако.

Наше любопытство возросло еще болѣе отъ такого внезапнаго безкорытія Степана. Мы осмотрѣли еще не ощипанную парочку, и намъ показался подозрительнымъ особенный способъ у вогуловъ рѣзать куръ не по горлу, а въ темя. Однако впослѣдствіи мы узнали, что такъ рѣжутъ куръ и пѣтуховъ у вогуловъ только тогда, когда ихъ приносятъ въ жертву шайтанамъ, и они были зарѣзаны Степаномъ въ умилоствивленіе шайтану, по случаю недавно бывшей болѣзни его сына. Здѣшніе вогулы хотя и исполняютъ обряды православной церкви, но еще не забыли и своихъ прежнихъ боговъ.

Изъ Полушаимскаго пауля мы направились въ село Шаимъ, расположенное на берегу тумана или проточнаго озера, черезъ который протекаетъ рѣка Конда. Здѣсь есть русская церковь, живутъ священникъ и псаломщикъ. Домовъ или юртъ въ Шаимѣ всего 7, ясачныхъ душъ 4, а всего живетъ, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми, не болѣе 20 человекъ. Здѣсь инородческая волость, и мѣстный псаломщикъ исправляетъ должность помощника писаря, который самъ живетъ въ Пелыми. Село Шаимъ довольно важное мѣсто на Кондѣ, такъ какъ здѣсь скрещиваются двѣ дороги. Въ началѣ зимы черезъ Шаимъ идутъ обозы съ рыбой съ Оби на Пелыми и далѣе на Уралъ; изъ Пелыми же привозятъ хлѣбъ и всѣ товары, необходимые для Конды. Лѣтомъ снизу изъ Рѣполова идетъ сообщеніе съ верхней Кондой по рѣкѣ также черезъ Шаимъ. Но несмотря на все это, насъ удивилъ очень унылый и жалкій видъ Шаима, занесеннаго сугробами. Когда мы пріѣхали, ни одного живого существа не было видно на улицѣ; даже собаки не встрѣтили насъ своимъ обычнымъ лаемъ. Казалось, что въ селѣ нѣтъ ни души. Церковь въ Шаимѣ небольшая, деревянная и очень бѣдная. Службы въ ней совершаются рѣдко, въ особенности зимой, такъ какъ церковь очень холодная, да кромѣ того и служить въ ней почти не для кого. Шаимскій приходъ огромный по пространству, а прихожанъ въ немъ чрезвычайно мало. Немногіе паулы, съ населеніемъ въ двѣ-три семьи, разбѣяны по Кондѣ и ея притокамъ на протяженіи болѣе 100 верстъ отъ Шаима, и мѣстный священникъ всего только разъ въ годъ посѣщаетъ свой приходъ. Этотъ объѣздъ совершается обыкновенно на лодкѣ (лѣтомъ здѣсь нѣтъ другихъ путей сообщенія, а зимнее сообщеніе, кромѣ какъ на лыжахъ, почти

невозможно), послѣ Пасхи, вскорѣ по разливѣ рѣкъ, при чемъ во время этого объѣзда онъ крестить родившихся за годъ ребятъ, отпѣваетъ умершихъ и совершаетъ другія требы. Сами же вогулы церковь посѣщаютъ рѣдко, частью за дальностью разстоянія и трудностью пути, частью вслѣдствіе почти полнаго равнодушія къ православнои вѣрѣ.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда въ Шаимъ поднялся буранъ, продолжавшійся цѣлыхъ два дня, и мы принуждены были все это время сидѣть на земскои квартирѣ: ѣхать въ такую погоду было рѣшительно невозможно, да къ тому же и лошадей нельзя было достать, такъ какъ ямщиковъ въ Шаимѣ не было, и приходилось посылать къ старшинѣ въ Турсунтъ-пауль за 20 верстъ, чтобы онъ распорядился доставить намъ подводу.

Во время нашего вынужденнаго заточенія на земскои квартирѣ, около дверей нашей комнаты часто показывался какой-то человекъ, торчавшій иногда по нѣскольку часовъ и чему то глупо ухмылявшійся.

— Тебѣ чего надо? — спросилъ я, наконецъ.

— Да лошадей-то гдѣ будете брать? Вѣдь дешево васъ здѣсь не повезутъ.

— Да тебѣ-то какое дѣло? Ступай, братъ, лучше прочь!

Однако онъ и не подумалъ уходить.

Это наконецъ стало намъ любопытно; мы разговорились, а скоро наконецъ и совсѣмъ познакомились. Это оказался русскій крестьянинъ; единственный русскій поселенецъ въ Шаимѣ. Онъ жилъ здѣсь среди вогуль уже много лѣтъ, зналъ хорошо и языкъ вогуловъ и ихъ обычаи. Занимался онъ почти тѣмъ же, чѣмъ и вогулы, то-есть рыболовствомъ и охотой, да кое-какой мелкой торговлей. Но онъ не былъ кулакомъ, какъ большинство здѣшнихъ русскихъ торговцевъ, и настолько привыкъ къ вогуламъ, что жилъ между ними какъ свой, да и вогулы считали его за своего и довѣряли ему всею. За его смуглый цвѣтъ лица вогулы дали ему кличку „Черное Мясо“, настоящее же его имя было Назаръ. Вслѣдствіи мы узнали отъ Назара о вогулахъ очень много такого, чего безъ него намъ никогда бы не узнать. Назаръ былъ единственный человекъ въ Шаимѣ, у котораго водились лошади, и мы порядили его везти насъ до Турсунта, гдѣ жилъ старшина.

Послѣ бурана дороги не было и слѣда; ее засыпало снѣгомъ по меньшей мѣрѣ на полбаршина, и лошади брели по колѣно въ снѣгу, а Назаровъ коробокъ до того сильно тормозилъ, что онъ поминутно останавливались, такъ что, дотащившись кое-какъ до Турсунтъ-пауля, мы снова должны были ѣхать далѣе на хряскахъ.

Турсунтъ-пауль — это небольшая кучка построекъ, сгруженныхъ среди лѣса на лѣвомъ берегу рѣки Конды. Здѣсь живетъ три семьи,

зотающіяся въ нѣсколькихъ грязныхъ юртахъ. Этотъ пауль одинъ, изъ такихъ, какіе встрѣчаются по всей Кондѣ. Двѣ-три юрты, нѣсколько сарайчиковъ для защиты скота отъ зимнихъ морозовъ и вьюговъ, штукъ 6—7 амбарушекъ, построенныхъ на высокіяхъ сваяхъ—вотъ и всѣ строенія этихъ паулей. Амбарушки служатъ магазинами, гдѣ вогулы хранятъ шкуры, мясо звѣрей и рыбу; а такъ какъ въ этихъ мѣстахъ водится множество мышей, то для того, чтобы помѣшать этимъ мышамъ забираться въ амбары съ провизіей, амбары строятъ на четырехъ или шести толстыхъ сваяхъ, порубая эти сваи посрединѣ такимъ родомъ, что мышь по нимъ никакъ не можетъ забраться во внутренность помѣщенія.

Свои постройки и юрты вогулы обыкновенно никогда не огораживаютъ никакими заборами или оградами.

Внутренность юрты старшины состояла изъ довольно большой комнаты съ печью, похожей на русскую печь, только безъ шестка. Въ одномъ изъ ея боковъ былъ вмазанъ большой чугунный котелъ для варки мяса и рыбы. Въ юртѣ стояли нѣсколько кроватей, лавки, двѣ-три скамейки и два стола. Въ переднемъ углу виднѣлось нѣсколько иконъ, въ углу на полу стояло два-три сундука, на стѣнѣ висѣло кремневое ружье, на длинныхъ шестахъ полъ потолкомъ были развѣшаны рыболовные снаряды: сѣти, неводъ и прочее.

Когда мы пріѣхали, вся семья старшины, состоявшая душъ изъ восьми, сидѣла за самоваромъ.

Самоваръ можно встрѣтить вездѣ, по всей Кондѣ.

Въ дальнѣйшій путь мы отправились уже на четырехъ хрыслахъ въ каждой по одной лошади. Но едва мы отъѣхали отъ Турсунтъ-пауля верстъ пять, какъ снова поднялся буранъ и притомъ съ такой силой, что въ двухъ шагахъ рѣшительно ничего не было видно, не говоря уже о дорожкѣ, отъ которой послѣ бывшей вьюги не осталось и слѣда. Назаръ, къ счастью нашего багажа, ѣхалъ впереди, прокладывая слѣдъ, и его лошадь, привычная къ здѣшнимъ путямъ, опущью, ногами разыскивала подъ снѣгомъ твердое полотно дороги и тихимъ шагомъ подвигалась впередъ; за нею слѣдовала другая съ поклажей, за этой мы двое, закрытые рогожами и завязанные веревками, наподобіе мороженныхъ осетровъ, и наконецъ поѣздъ заключалъ братъ старшины, Сенька, котораго мы взяли въ помощники къ нашему ямщику.

Но, несмотря на буранъ, наступившія сумерки и совершенно занесенную снѣгомъ дорогу, сбиться съ пути все-таки было довольно трудно, потому что едва лошадь ступала мимо дороги, какъ тотчасъ же погружалась въ рыхлый снѣгъ чуть не по горло, тогда какъ на дорогѣ ей было всего только по брюхо. Закрытые сверху рогожами, мы проспали всю ночь и не слышали даже, какъ наши